

КРЫМСКИЙ ПОЛУОСТРОВ, ЧЕРНОЕ МОРЕ И ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН В ЗАПАДНОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Ольга МОСКАЛЕНКО
СевГУ

Александр ИРХИН
КФУ имени В.И.Вернадского, СевГУ

Сергей ЮРЧЕНКО
КФУ имени В.И.Вернадского

Наталья ДЕМЕШКО
СевГУ

Аннотация: Данная статья является продолжением научной траектории исследовательского коллектива, занимающегося проблемами безопасности Черноморского региона (ЧР) в его различных геополитических конфигурациях (ЧР как пространство семи прибрежных государств; Большой ЧР, включающий семь прибрежных государств, Армению и Азербайджан;

Ольга Александровна Москаленко – кандидат филологических наук, доцент Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет.

ORCID: 0000-0002-4162-3162. E-mail: kerulen@bk.ru
299053, Севастополь, ул. Университетская, д. 33.

Александр Анатольевич Ирхин – доктор политических наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского; главный научный сотрудник, Севастопольский государственный университет.

ORCID: 0000-0001-7895-550X. E-mail: alex.irhin@mail.ru
299053, Севастополь, ул. Университетская, д. 33; 295007, Симферополь, ул. Академика Вернадского, д. 4.

Сергей Васильевич Юрченко – доктор политических наук, первый проректор – проректор по международной деятельности, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.

ORCID: 0009-0008-2835-4413. E-mail: cbur@mail.ru
295007, Симферополь, ул. Академика Вернадского, д. 4.

Наталья Эдуардовна Демешко – кандидат политических наук, доцент Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет.

ORCID: 0000-0002-9620-2410. E-mail: nataliedem93@mail.ru
299053, Севастополь, ул. Университетская, д. 33.

Поступила в редакцию: 10.02.2025

Принята к публикации: 21.05.2025

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01354, <https://rscf.ru/project/25-28-01354/>.

Балто-Черноморский регион; Черноморско-Каспийский регион и ЧР как «нервный узел» Большого Средиземноморья) в широком понимании термина «безопасность», сквозь призму национальных интересов России. В статье исследуется концептуально-доктринальный уровень политики США, ЕС, Британии, НАТО и введомой ими Украины в отношении Черноморского региона (ЧР) после 2014 г. Анализируются доктринальные документы, в которых раскрываются стратегии, цели и задачи этих субъектов в регионе. Исследование доктринального и в некоторой степени предшествующего ему концептуального уровней политики, реализуемой в ЧР, позволит определить степень совместимости, конфликта и возможного компромисса между различными региональными и мировыми игроками, конкурирующими за позиции в регионе в его различных геополитических конфигурациях. Исследование выполнено в парадигме реализма с применением системного, геополитического и конструктивистского подходов. В качестве основных методов использованы качественный контент-анализ, контекстный и дискурсивный анализ документов. Изученные доктринальные документы – «Стратегический компас» ЕС, Концепция безопасности НАТО, обновленная «Глобальная Британия», Стратегия морской безопасности Украины, Черноморская стратегия США в 2022–2024 гг. – стали отражением развития концепции Большого ЧР, сформулированной в 2004–2006 гг. Германским фондом Маршалла* и Фондом «Наследие»*, в которой не остается места для военно-политического, экономического и иного рода присутствия России в Черноморском бассейне. Роль «первой скрипки» в споре великих держав, на которую претендует Британия, объясняется традиционным стремлением Лондона присутствовать в Черном и Каспийском морях и выстраивать свою линию обороны, вытесняя при этом Россию в глубь Евразии, подальше от побережья. Авторы видят в этом стремление Британии реализовать свои традиционные геостратегические подходы, которые разработал Х. Маккиндер: контроль Хартленда через Центральную Азию (1904) и Восточную Европу – через Балто-Черноморскую перемычку (1919). Сейчас наблюдается одновременная комбинация и синтез двух подходов Маккиндера: Запад стремится создать Балто-Черноморско-Каспийский санитарный пояс «сдерживания» России, имеющий два морских входа в регион: Балтийский и Черноморский. Между тем в историческом опыте Лондона есть и вариант, при котором Россия на время «выключалась» из Черноморско-Средиземноморской игры: после Крымской войны. Проведенное исследование показало, что если позиция «коллективного Запада» не будет скорректирована, то результатом его продолжающегося воздействия на ЧР должно стать вытеснение России из региона с одновременным снижением влияния Турции за счет «размывания» и обхода Конвенции Монрё, постоянное присутствие военных сил НАТО в Черном море (дополнительно к силам региональных Турции, Румынии и Болгарии), в том числе за счет альтернативных Черноморским проливам маршрутов.

Ключевые слова: Крым, Черноморский регион, черноморская стратегия, Специальная военная операция, США, ЕС, Великобритания, Конвенция Монрё

Воссоединение Крыма с Россией значительно ускорило процессы формирования новой системы международных отношений. Черноморский регион (ЧР) – некогда периферия холодной войны – вновь стал центром региональной и мировой политики, средоточием военно-политической напряженности. В этом плане позиция украинского МИД как продолжение позиции «коллективного Запада» включает в себя восприятие Крымского полуострова как «центра тяжести европейской архитектуры безопасности» (Gaber, 2024)

* Организация внесена Минюстом Российской Федерации в перечень иностранных и неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

и полностью укладывается в понимание Черноморского региона как стратегического. Импульс формированию таких представлений придали события 2008 г. на Южном Кавказе, затем возвращение Крыма в состав России в 2014 г. Анализ медийного и экспертного пространств, а также работа с доктринальными документами основных геополитических акторов показывают, что после начала специальной военной операции (СВО) Крымский полуостров остается одним из столпов настоящей и будущей региональной и мировой архитектуры безопасности¹. Если следовать теории цикличности мировых войн, то, возможно, мы находимся внутри нового цикла, и географически он ассоциируется с ЧР.

В последние несколько десятилетий ЧР испытывает на себе динамические геополитические изменения: с 1991 г. начинается его фрагментация в результате распада СССР и дезинтеграции Восточного блока, почти одновременно следуют наступление евро-атлантической платформы и попытки эту экспансию остановить сначала со стороны Турции, несмотря на вовлеченность последней в западные военно-политические структуры, а затем и России. Так, в 2004 г. Турция выступила инициатором «Черноморской гармонии» – инструмента блокирования американской военно-морской операции «Активные усилия», которую США и НАТО стали проводить в Средиземном море с призывом ее расширения и на Черное море. В 2006 г. по приглашению Турецкой Республики к «Черноморской гармонии» присоединилась Российская Федерация, тем самым предотвратив «размывание» ключевых статей Конвенции Монтрё 1936 г. и непосредственное проникновение военно-морских сил НАТО в Черное море вне рамок Конвенции².

Трансформация Черноморского региона продолжается. Его географические границы определяются прибрежным принципом, однако геополитические контуры варьируются в зависимости от интересов великих держав, конкурирующих за позиции и влияние в регионе. Первенство здесь принадлежало американским мозговым центрам, которые в начале нулевых годов выдвинули концепции Евroatлантического Причерноморья и Большого Черноморского региона (Ирхин & Москаленко, 2021).

Цель настоящего исследования – выявление специфики подходов «коллективного Запада» (США, ЕС, Британии, НАТО) и ведомой ими Украины к ЧР после возвращения Крымского полуострова в состав России в 2014 г. Поставленная цель достигается посредством анализа доктринальных документов, в которых раскрываются стратегии, цели и задачи этих субъектов в регионе. Изучение доктринального и в некотором смысле предшествующего ему концептуального уровней политики, реализуемой в ЧР, позволит определить степень совместимости, конфликта и возможного компромисса между различными региональными и мировыми игроками, конкурирующими

¹ Подробно об основных подходах к формированию различных геополитических конфигураций Черноморского региона и концептуальных основах политики в отношении региона в дискурсе западных и турецких «фабрик мысли» см.: Demeshko, Irkhin & Moskalenko, 2024.

² Подробнее см.: Ирхин & Москаленко, 2021.

за позиции в регионе в его различных геополитических конфигурациях: ЧР как пространство семи прибрежных государств, имеющих выход к берегам Черного моря (Россия, Турция, Украина, Грузия, Болгария, Румыния и Молдавия за счет п. Джурджулешты); Большой ЧР (концепция США), включающий семь прибрежных государств, а также Армению, Азербайджан и Грецию; Балто-Черноморский регион, Черноморско-Каспийский регион и ЧР как «нервный узел» Большого Средиземноморья (Ирхин & Москаленко, 2021: 500–501). В зависимости от целей геополитических субъектов модели регионов могут дополняться и изменяться.

Процесс геополитического конструирования Черноморского пространства после 1991 г. изначально находился под управлением внерегиональных акторов (Tsantoulis, 2016). Наряду с теми смыслами, которыми наделяли ЧР его заокеанские «архитекторы», важно учитывать и структуру самого региона, отражающую отношения между центром и окраинами, ядром и периферией, так как она имеет прямые политические последствия (Ирхин, 2024: 8–17; Ирхин & Москаленко, 2021).

В 2023 г. М. Карлин, на тот момент советник по внешнеполитическим и оборонным вопросам США, на Форуме по безопасности в Черноморском регионе и на Балканах следующим образом интегрировала подходы к региону, определяющие его присутствие в Стратегии национальной обороны США: *«Прежде всего, Черноморский регион имеет чрезвычайно важное геостратегическое значение. Он **соединяет** Европу с Ближним Востоком и территориями за ним, является **ключевым узлом** транзита энергоресурсов. Черное море было **ключевым участком** Шелкового пути до Рождества Христова. Оно **соединяло** Римскую империю с Азией. Это море служило **мостом** для Византийской империи, Османской империи, было торговым, миграционным и военным **маршрутом**. Оно выступает **ключевой линией фронта** трансатлантической безопасности. Сегодня здесь идет крупнейший конфликт в Европе со времен Второй мировой войны»³.*

Подвижной оказалась и позиция по отношению к ЧР внутри ЕС и за пределами ЕС. После распада СССР регион рассматривался как возможная сфера европейского влияния, при этом «Черноморский сосед» не признавался европейцем в полной мере и требовал «европеизации». Тогда же Румыния проявила стремление стать геополитическим центром региона. Спустя четверть века она заявляет те же претензии, по крайней мере на институциональном уровне, организовывая многочисленные площадки по обсуждению военно-политического будущего региона.

Турция традиционно воспринимает Черное море как зону особых национальных интересов, процессы в котором определяются Конвенцией Монтрё 1936 г. (Москаленко et al., 2024). С 2014 г. эта позиция стала еще более очевидной: в соответствии с ней реализуется логика «Турецкого баланса»,

³ Garamone J. (2023) U.S. Official Looks to Deter Russia in Black Sea Region. *US Department of Defense*, 19 May. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3390038/us-official-looks-to-deter-russia-in-black-sea-region/> (accessed 5 February 2025).

ориентированная на недопущение в Черное море иных крупных акторов, кроме России и самой Турции (Ирхин, Москаленко & Демешко, 2024). В России с момента возвращения Крыма и Севастопольской военно-морской базы (ВМБ) ЧР стал ясно осознаваться как регион, в котором внутренняя и внешняя политика тесно переплетены (Ирхин, 2023: 244). Последнее во многом предопределено некоторой «сакрализацией» ЧР.

В статье решаются следующие **задачи**: выявлены и проанализированы основные концепции в отношении ЧР, разработанные в США, ЕС, Британии и ведомой ими Украине; проанализированы доктринальные документы перечисленных субъектов в отношении региона и «крымского плацдарма» России. **Объектом** исследования является ЧР в его различных геополитических конфигурациях в контексте национальных интересов государств «коллективного Запада» после 2014 г.; **предметом** – геополитические концепции великих держав и их продолжение в доктринальных документах «коллективного Запада». Обзор проводится в предметном поле российских национальных интересов и их эволюции после 2014 г. с учетом того, что дефиниция национальных интересов не статична.

Геополитический подход позволяет смоделировать в рамках этого противостояния необходимость для России восстановить линию Новороссии и сохранить при этом плацдарм своего присутствия в Восточном Средиземноморье. Исследование выполнено в парадигме реализма с использованием системного, геополитического и конструктивистского подходов с применением контекстного и дискурсивного анализа, а также качественного контент-анализа.

Эмпирическую базу исследования составили доктринальные документы США, НАТО, ЕС, Британии, Украины, а также аналитические записки, в которых раскрываются черноморские стратегии указанных акторов. Эти материалы были разработаны или обновлены после начала СВО России на Украине, что было связано с изменением архитектуры глобальной безопасности. В 2022 г. вышла Стратегическая концепция НАТО на ближайшие десять лет (*NATO 2022 Strategic Concept*). В июле 2022 г. на рассмотрение Конгресса США был внесен проект Акта по безопасности в Черном море 2022 г. (*Black Sea Security Act of 2022*), который к концу 2023 г. проходил согласование в Сенате под названием «Акт по безопасности в Черном море 2023 г.» (*Black Sea Security Act of 2023*, далее – Акт). В 2022 г. ЕС обнародовал «Стратегический компас по безопасности и обороне» (*A Strategic Compass for Security and Defence for a European Union That Protects Its Citizens, Values and Interests and Contributes to International Peace and Security*), сменивший датирующуюся 2016 г. «Глобальную стратегию Европейского союза по внешней политике и безопасности: общее видение, совместные действия» (*Global Strategy for the EU's Foreign and Security Policy*). В 2023 г. Правительство Великобритании актуализировало в связи с началом СВО принятую в 2021 г. Стратегию «Глобальная Британия» (*Global Britain in a Competitive Age. The Integrated Review of Security*): Р. Сунак утвердил Обновленную интегрированную Стратегию

национальной безопасности Великобритании (*Integrated Review Refresh 2023. Responding to a more contested and volatile world*).

Предлагаемые глобальными западными акторами концепции стратегических действий, адаптированные к новой геополитической ситуации, поставили вопрос о том, как они на практическом уровне будут взаимодействовать и координировать усилия, в том числе, по отношению к ЧР, центром которого стало военно-политическое противостояние между Россией и Украиной. В июле 2024 г. В. Зеленский подписал Стратегию морской безопасности Украины (*Стратегія морської безпеки України*), через полгода после которой появилось Соглашение о столетнем сотрудничестве (*UK-Ukraine 100 Year Partnership Declaration*).

Кроме того, для анализа привлекаются Стратегия национальной безопасности США (*USA National Security Strategy*) и Национальная оборонная стратегия США (*US National Defence Strategy*), принятые в 2022 г. при Дж. Байдене, а также материалы и резолюции Совета Украина – НАТО, аналитические доклады.

Черноморский регион и Крым в доктринальных документах США и НАТО

Законопроект, представляющий концепцию стратегии США в ЧР, Акт по безопасности в Черном море 2023, **хотя и не принят в настоящее время**, носит рамочно-доктринальный характер. «Под "черноморскими государствами" понимаются Турция, Румыния, Болгария, Молдавия, Украина и Грузия» – в основе приведенной в документе дефиниции региона лежит не географический принцип, а политический: Россия не включена в список черноморских государств, хотя упоминается в тексте законопроекта 18 раз – в контекстах, которые ставят ее в позицию противника коллективного ЧР. Основным интересом США в ЧР заявляется «предотвращение распространения военного конфликта в Европе за счет признания ЧР ареной российской агрессии, критическое противодействие которой должны оказать прибрежные черноморские государства, что станет вкладом в коллективную безопасность НАТО»⁴. В документе определены несколько векторов внешней политики США в ЧР.

(1) В рамках НАТО и с союзниками по блоку предполагается разработка долговременной стратегии для обеспечения постоянного военного присутствия на восточном фланге НАТО (постоянного сменяемого морского присутствия в Черном море). (2) Стратегия сотрудничества с ЕС направлена на «поддержание демократических ценностей и экономического процветания региона, в котором два государства являются членами ЕС, а четыре имеют статус кандидата»⁵. На институциональном уровне предусмотрена

⁴ US Congress (2023) Black Sea Security Act of 2023. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/804/text> (accessed 5 February 2025).

⁵ Ibid.

поддержка Инициативы трех морей. (3) Политика в отношении Турции оговаривается отдельно, хотя формально она входит и в первую, и во вторую группу государств: действия Турции по отношению к региональным союзникам и демократическим государствам признаны контрпродуктивными и провоцирующими рост напряженности в регионе. США рекомендуют Турции избегать любых шагов, которые могут привести к дальнейшей эскалации напряженности⁶.

На дискурсивном уровне Турция уже исключена из однозначных союзников США в ЧР: она единственная не входит в перечень стран ЧР, которым предполагается оказывать содействие в области безопасности (эти страны – Украина, Румыния, Болгария, Молдавия и Грузия). Хотя признаются заслуги Турции в реализации зерновой сделки, США планируют разработку мер в сфере продовольственной безопасности, которые не будут с ней координированы. Неоднократно упомянутая необходимость расширения свободы мореплавания в Черном море напрямую связана не только с присутствием Черноморского флота (ЧФ) России, но и с режимом Черноморских проливов⁷.

В целом тон Акта по безопасности в Черном море 2023 г. не оставляет сомнений в аксиоматичности «миссии» США вершить судьбу региона, выполнять роль лидера и навязывать свою политическую волю. Констатируется, что США должны обеспечить диалог и сотрудничество шести государств региона, что страны, исторически и экономически связанные с Россией, «ищут ... присутствия США и Европы в более широком регионе [Большом ЧР – прим. авторов] в качестве противовеса разрушительному влиянию Российской Федерации»⁸; предполагается не только «противостоять информационному влиянию России в регионе, в т.ч. за счет работы независимых и прямо поддерживаемых США СМИ», но и включить в свою сферу влияния население Белоруссии и самой России.

В новой архитектуре безопасности ЧР, которая намечена в Акте, хоть пока и не принятом, но ставшем основой долговременной стратегии Соединенных Штатов, нет места России как самостоятельному актору. Присутствие США в регионе будет направлено на противодействие растущей экономической интеграции КНР в черноморское пространство за счет развития инициативы «Пояс и Путь», которая должна обеспечить дальнейшую экспансию китайского бизнеса на европейские рынки. Акт по безопасности в Черном море 2023 г. продолжает логику Стратегии национальной безопасности США 2022 г., в которой Россия предстает в качестве непосредственной угрозы открытой и свободной системе международных отношений. Тогда как Китай признается единственным соперником, стремящимся переформатировать миропорядок и обладающим экономическими, дипломатическими, военными

⁶ *US Congress* (2023) Black Sea Security Act of 2023. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/804/text> (accessed 5 February 2025).

⁷ Подробно см.: Ирхин, 2024: 104–128.

⁸ *US Congress* (2023) Black Sea Security Act of 2023. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/804/text> (accessed 5 February 2025).

и технологическими возможностями для этого⁹. В документе не упоминается ЧР (как, впрочем, и в Национальной оборонной стратегии 2022 г.¹⁰), но раскрываются механизмы сдерживания России на европейском направлении, а также противостояния с Китаем в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) с перспективой выхода соперничества на глобальный уровень.

Несмотря на то, что в западном обществе не прекращаются дискуссии о необходимости разработки отдельной концепции НАТО по ЧР, в Стратегической концепции НАТО 2022 г. Черноморский регион упоминается всего дважды¹¹ – и оба раза в контексте нарушения стабильности Евроатлантической зоны со стороны России, которая «представляет непосредственную угрозу безопасности Альянса»¹². Нарастание Россией военной мощи, в том числе в Балтийском, Черноморском и Средиземноморском регионах, а также военная интеграция с Белоруссией представлены как вызов интересам и безопасности НАТО¹³. Альянс декларирует дальнейшую поддержку государств «Черноморского региона и Западных Балкан»¹⁴, обозначая их «стратегическое значение».

На сайте Североатлантического альянса представлен 31 официальный документ с упоминанием Черноморского региона¹⁵. Первые контуры ЧР в документах НАТО были намечены в 2001 г. в Стратегии действий Совета евроатлантического партнерства 2002–2004 гг. (*Action Plan 2002–2004 Euro-Atlantic Partnership Council, EAPC*), однако оговаривалась только научно-исследовательская перспектива.

Переломным моментом стал Варшавский саммит 2016 г., в рамках которого предусматривалась разработка мер по влиянию на ситуацию в регионе: впервые он был включен в перечень имеющих стратегическое значение для Альянса и партнеров¹⁶. В таком статусе ЧР неизменно фигурирует в официальных документах НАТО, начиная с саммита в Брюсселе, который состоялся 12 июля 2018 г.¹⁷.

В Заявлении по итогам встречи в верхах в Вильнюсе от 11 июля 2023 г. предлагается относительно развернутый план действий НАТО в регионе: выражается поддержка территориальной целостности и суверенитета

⁹ *The White House* (2022) USA National Security Strategy. Available at: <https://tinyurl.com/3mrdmt2u> (accessed 7 May 2025). P. 8.

¹⁰ *US Department of Defence* (2022) US National Defence Strategy 2022. Available at: <https://tinyurl.com/3mbvjcmj> (accessed 7 May 2025).

¹¹ Хотя в предыдущей Концепции 2010 г. «Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности Членов Организации Североатлантического договора» ЧР как отдельная конструкция в рамках Евроатлантики не выделяется вовсе.

¹² *NATO* (2022) NATO 2022 Strategic Concept. Available at: <https://tinyurl.com/3wruwh7c> (accessed 5 May 2025). P. 4.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ По поисковому запросу «Black Sea region» на сайте <https://www.nato.int/>.

¹⁶ *NATO* (2016) Warsaw Summit Communiqué. Available at: <https://tinyurl.com/42hbxemj> (accessed 7 May 2025).

¹⁷ *NATO* (2018) NATO-Georgia Commission Declaration at the Brussels Summit. Available at: <https://tinyurl.com/98s65x4x> (accessed 7 May 2025).

Украины, Грузии и Молдавии в их международно признанных границах, России же адресуется призыв вывести войска. Особый акцент делается на обеспечении свободы судоходства в Черном море. О примате Конвенции Монтрё речи уже не идет: напротив, предлагается обращаться к ней в зависимости от обстоятельств.

В Декларации Вашингтонского саммита НАТО от 10 июля 2024 г. повторяются формулировки предыдущей о *«неизменной поддержке региональных усилий Североатлантического союза, направленных на сохранение безопасности, стабильности и свободы судоходства в Черноморском регионе, в том числе при необходимости, согласно Конвенции Монтрё 1936 г.»*, но при этом делается акцент на *«вводе в действие тремя прибрежными государствами – членами НАТО Целевой противоминной группы в Черном море»*¹⁸. Кроме того, не признается *«незаконная и нелегитимная аннексия Крыма»*¹⁹.

Комитет по оборонной политике и безопасности Парламентской Ассамблеи НАТО²⁰ в открытом доступе разместил доклад британского политика, бывшего государственного министра Вооруженных сил Великобритании лорда Марка Ланкастера *«Очаг напряженности: как российско-украинская война меняет безопасность в Черном море»* (Lancaster, 2023). В докладе Черное море метафорически обозначается как *«линия стратегического разлома»* между НАТО и Россией, а региону приписывается *«раскол по оси Восток – Запад»*, что стало причиной десяти конфликтов: *«Приднестровский конфликт в Молдавии, Грузино–Абхазская война, Гражданская война в Грузии, Русско–Грузинская война 2008 г., две Чеченских войны, две Армяно–Азербайджанских войны в Нагорном Карабахе и два вторжения России на Украину»* (Lancaster, 2023: 1).

Выведены две причины напряженности в ЧР – внутренняя и внешняя: (1) вхождение региона в постбиполярный период в крайне нестабильном состоянии, так как прибрежные государства (Болгария, Грузия, Румыния, Россия, и Украина), за исключением Турции, не имели стратегического видения своего будущего; (2) отсутствие консенсуса в НАТО (особенно среди государств-членов, имеющих выход к Черному морю) по позиции Организации в ЧР вплоть до событий 2022 г., которые стимулировали несколько региональных инициатив Альянса (в частности, размещение многонациональных батальонов в Болгарии и Румынии).

Реинтеграция Крымского полуострова в состав России позволила ей получить контроль над всем Черным морем, провести операции в Сирии и в Ливии, увеличить присутствие ЧФ в Средиземном море (Lancaster, 2023: 1).

¹⁸ NATO (2024) Декларация Вашингтонского саммита. Available at: <https://tinyurl.com/3wffww24> (дата обращения: 07.05.2025).

¹⁹ NATO (2023) Заявление по итогам встречи в верхах в Вильнюсе. Available at: <https://tinyurl.com/h27jbmz7> (дата обращения: 07.05.2025); NATO (2024) Декларация Вашингтонского саммита. Available at: <https://tinyurl.com/3wffww24> (дата обращения: 07.05.2025).

²⁰ Парламентская Ассамблея НАТО основана в 1955 г. и функционирует в качестве консультативной межпарламентской организации, институционально независимой от НАТО.

Доклад основывается на принципах *realpolitik*, в соответствии с которыми интересы Украины как таковой не учитываются. В качестве главной угрозы выделяется потенциально значительное двухэтапное (2014 г. и 2022 г.) усиление России в Черноморском регионе, которое, по мнению автора доклада, ставит под угрозу выстроенную после распада СССР архитектуру безопасности.

Новая ситуация потребовала конкретизированной стратегии НАТО в отношении ЧР, отвечающей Стратегической концепции НАТО 2022 г. и исходящей из двух факторов существования и развития ЧР: 1) функционирование Конвенции Монтрё на протяжении последних 89 лет; 2) возникшая в постбиполярный период линия стратегического «разлома» в регионе, которую углубила «ревизионистская политика России», начиная с 2000-х гг. (Lancaster, 2023: 2–3). Первый находится в непосредственной взаимосвязи с внешнеполитическим курсом Турецкой Республики, так как Конвенция Монтрё 1936 г. не просто регулирует движение различных типов судов через Проливы, но служит инструментом сохранения баланса сил в ЧР. Последнее позволило Турции рассматривать вопросы безопасности региона в рамках компетенции расположенных в нем государств и, следовательно, тяготеть к сохранению различных институтов, таких как Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия («Блэксифор»), Черноморская гармония, но главное – стремиться не допускать усиления внешних игроков.

Румыния, напротив, всячески добивается вовлечения Североатлантического альянса в дела региона, особенно после 2014 г. В 2016 г. Президент Румынии выступил с инициативой создания Объединенного Черноморского флота НАТО прибрежными государствами, но она была публично отвергнута Болгарией и Турцией, при том, что последняя является ключевым союзником по НАТО в регионе. Подобного рода разногласия стали причиной отсутствия четкой и единой стратегии Североатлантического альянса в ЧР, что привело к недостаточному присутствию сил Блока в воздухе, на море и на суше в период с 2014 по 2022 гг., несмотря на ужесточение риторики.

Автор доклада выдвигает как аксиому, что регион останется «ядром российской стратегии» вне зависимости от сценария разрешения украинского кризиса, так как не только является для России ключом к евразийской сфере влияния, но и обеспечивает ей статус «великой державы». При этом он прогнозирует, что так называемая игра в серой зоне со стороны России («дезинформация», «энергетический шантаж», «подкуп элит») будет только интенсифицироваться в случае ухудшения ее положения на Украине. Соответственно, военное присутствие России как на Крымском полуострове, так и в Черноморском бассейне (что обеспечивается наличием военно-морской базы (ВМБ) в Севастополе и инфраструктурными проектами, соединяющими полуостров с материком (Крымский мост, подводный энергомоет)) входит в сферу национальных интересов России, которыми она не поступится ни при каких обстоятельствах. В экспертизе для Парламентской ассамблеи НАТО

особо выделяется вопрос инфраструктуры: Крымский мост определен как основной коммуникационный путь для российских сил (Lancaster, 2023: 5–7).

Метафора «вскрытия региона по линии стратегического разлома» на самом деле позиционирует его как открытую и свободную площадку для реализации стратегии НАТО. Иными словами, «*зияющий разлом в регионе*» открыл для Альянса новое окно возможностей и ряд непосредственных выгод в области не только безопасности, но и энергетики, так как ЧР – центральный хаб нефтегазового экспорта в Европу, Средиземноморье и за его пределы, обладающий потенциалом связать Европу с Центральной Азией.

Таким образом, выведен еще один тезис: долговременное присутствие России в регионе несет прямую угрозу энергетическим интересам ЕС. Рекомендации Комитета по оборонной политике и безопасности Парламентской Ассамблеи НАТО основываются на учете двух основных выведенных в докладе факторов: (1) вне зависимости от исхода украинского конфликта Россия не уступит лидирующие позиции в Черноморском регионе; (2) поскольку продовольственное и энергетическое значение ЧР в ближайшие годы будет только возрастать, Североатлантическому альянсу следует предложить государствам-членам и партнерам беспроигрышную и привлекательную концепцию будущей безопасности в регионе, противопоставив ее стремлению России доминировать в нем.

Сами рекомендации состоят в следующем:

- Разработка Черноморской стратегии НАТО, включающей План действий, и поддержка национальных Черноморских стратегий: документы должны учитывать как угрозы и вызовы в ЧР, так и более широкие вопросы энергетической и продовольственной безопасности, а также соответствовать стратегии ЕС в отношении региона. Документы союзников по НАТО должны отражать национальные интересы каждого государства, но при этом быть подчинены общей стратегии Альянса. США уже стали флагманом, запустив согласование соответствующего законопроекта в Сенате.

- Улучшение военной мобильности каждого из прибрежных государств НАТО, а также совершенствование их взаимодействия по данному направлению: особый акцент предполагается сделать на полном аудите транспортных инфраструктур Румынии и Болгарии на предмет их пригодности для военных целей; допускается финансирование этих нужд из средств Инициативы трех морей НАТО.

- Усиление военно-морского присутствия НАТО в Черном море: невзирая на ограничения, которые накладывает Конвенция Монтрё на военные корабли, Североатлантический альянс может и должен обеспечить круглогодичное ежедневное присутствие в Черном море для сдерживания России. Среди способов – увеличение количества совместных военно-морских учений, в том числе с участием Грузии, что расширит географию вовлеченности НАТО; сотрудничество черноморских государств НАТО с другими членами Организации в целях выстраивания архитектуры морской безопасности

региона «на основе норм международного права»; создание Морской флотилии НАТО с вкладом прибрежных государств НАТО, что позволит ей неограниченно находиться в Черном море (такая форма участия не будет противоречить Конвенции Монтрё и обеспечит постоянное присутствие НАТО в ЧР) – предполагается, что именно Турция должна будет внести наиболее значимый первоначальный вклад.

– Усиление разведывательных возможностей НАТО в ЧР; инвестиции в размещение высокоточных вооружений большой дальности и системы защиты береговой линии (в т.ч. Украины, Грузии и Молдавии), в системы ПВО; подписание Союзниками Европейской инициативы «Небесный щит» (Lancaster, 2023: 12–14).

Переход Черноморского региона в статус стратегического для НАТО, что закреплено в официальных документах саммитов Альянса в 2023 и 2024 гг. и в Стратегической концепции НАТО 2022 г., обусловлен не столько военно-политическим противостоянием между Россией и Украиной, сколько неприятием перспективы укрепления первой на крымском и, в целом, черноморском побережье.

Европейский союз

Украинский кризис разрушил архитектуру безопасности постялтинской Европы, формировавшуюся за счет России на протяжении последних 30 лет, и высветил недостаточную субъектность Европейского союза, перед которым встал вопрос о мерах в области безопасности и обороны, позволивших бы ему адекватно реагировать на усложняющуюся международную обстановку. Хотя только два прибрежных черноморских государства – Румыния и Болгария – являются полноправными членами ЕС, а Украина, Турция и Молдавия получили статус кандидатов на вступление, на который претендует и Грузия, заинтересованность Европейского союза в ЧР, в том числе в восточной его части, не вызывает сомнений как минимум с точки зрения экономических и энергетических факторов, а также вопросов коммуникации и безопасности. По дну Черного моря тянутся сотни километров трубопроводов и оптоволоконных линий, на берегах расположены стратегические порты, устье Дуная на протяжении веков играет роль ключевой экономической артерии для Центральной и Восточной Европы²¹, но главное для ЕС – Черное море связывает Европу и Азию, которая возвращает себе роль мирового экономического локомотива.

В 2022 г. ЕС выпустил документ «*Стратегический компас по безопасности и обороне*», сменивший датирующуюся 2016 г. «*Глобальную стратегию Европейского союза по внешней политике и безопасности: общее видение, совместные действия*». Уже сами названия стратегических документов ЕС

²¹ Coffey L. (2020) Europe has a vested interest in a safe, secure, and prosperous Black Sea. *Middle East Institute*, 24 March. Available at: <https://tinyurl.com/bdfwrvam> (accessed 7 May 2025).

отражают эволюцию внешнеполитической линии и место ЕС как части глобального Запада: в 2016 г. акцент делался на общности интересов и действий европейских государств, а в 2022 г. – на защите интересов граждан ЕС и вкладе объединения в «*общее дело мира и безопасности*».

«*Стратегический компас*» – амбициозный план действий по укреплению европейской безопасности до 2030 г. В Глобальной стратегии ЕС 2016 г. ЧР упомянут единожды как Большой ЧР, «*стабильность которого нарушена действиями России*»²²; ожидаемо декларируется непризнание Крыма российским. В «*Стратегическом компасе*» 2022 г. ЧР (Большой ЧР) рассматривается как часть стратегического окружения ЕС. Угрозы для ЕС детализируются посредством следующих упоминаний: украинские события, «*постоянная тактика стратегического запугивания в адрес Молдовы, Грузии и других стран Южного Кавказа, прямые угрозы их суверенитету и территориальной целостности... авторитарное правление в Беларуси*»²³. Акцент сделан на морской безопасности в Балтийском, Черном, Средиземном, Северном морях, водах Арктики, Атлантическом океане и в самых отдаленных регионах мира как на ключевом элементе безопасности, экономического развития, свободной торговли, транспортной и энергетической безопасности²⁴.

В отличие от Глобальной стратегии ЕС 2016 г., в которой лишь декларируется единство ЕС, в «*Стратегическом компасе*» подробно характеризуется текущее стратегическое окружение Европейского союза и намечаются конкретные меры по обеспечению согласованности и координированию действий государств-членов в области безопасности и обороны, четко определяются цели и сроки их достижения. Предусматривается создание стратегического ресурса в виде потенциала оперативного развертывания (*EU Rapid Deployment Capacity*), что позволит ЕС быстро перебрасывать войска в кризисные районы и координировать свои действия с партнерами. Важнейший аспект «*Стратегического компаса*» закреплён в разделе «*Партнерство*», так как именно через взаимодействие с партнерами – НАТО, ООН, ОБСЕ, Африканским союзом и АСЕАН – обеспечивается уровень глобальной игры ЕС²⁵. При этом эксперты озвучивают позицию, что сильный Европейский союз – в интересах НАТО как организации, обеспечивающей безопасность своих членов²⁶.

²² *European Union External Action* (2016) Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. Available at: <https://tinyurl.com/bdemaha8> (accessed 7 May 2025). P. 34.

²³ *European Union External Action* (2022) A Strategic Compass for Security and Defence. Available at: <https://tinyurl.com/z6uet9hr> (accessed 7 May 2025). P. 19.

²⁴ *Ibid.*, p. 23.

²⁵ *Ibid.*, p. 23.

²⁶ Borges de Castro R. & Lobo R. (2022) A Compass and a Concept: A Guide to The EU and NATO Strategic Outlooks. *TPQ*. Available at: <https://tinyurl.com/bdhs2un8> (accessed 7 May 2025).

Британия

Исследование логики внешнеполитических стратегий Британии позволяет заключить, что ее истеблишмент рассматривает проблему развития ЧР с позиции соперничества с Россией за контроль над Балто-Черноморской проекцией Черноморского региона (вторая по хронологии схема Х. Маккиндера, в которой обосновывается необходимости обретения Британией контроля над Восточной Европой (Маккиндер, 2024)). На протяжении более двух столетий ЧР имел важнейшее значение для Британии как регион, через который пролегали ключевые торговые пути. Сохранение свободного доступа в Черное море напрямую связано с ее долгосрочными интересами, поэтому она не может – особенно в свете обновленной Стратегии 2023 г. – исключить Черное море из сферы своего влияния. По мнению М. Фэллона, министра обороны в 2014–2017 гг., Британия должна встать во главе новой политической коалиции черноморских государств, образованной Турцией, Румынией, Болгарией, Молдавией и Грузией. Некоторым из этих прибрежных черноморских государств, вне зависимости от того, являются ли они членами НАТО или нет, понадобится помощь Королевства в организации более мощной системы обороны: например, в форме Объединенных экспедиционных сил (*JEF*)²⁷. Отметим, что Украина в этом списке отсутствует.

В 2023 г. вышла Стратегия национальной безопасности Великобритании *"Integrated Review Refresh 2023. Responding to a more contested and volatile world"* (далее – *IR2023*) – обновленная версия Стратегии 2021 г. (в 2021 г. впервые в одном документе Соединенного Королевства соединились внешнеполитическая концепция и стратегия нацбезопасности). Если в 2021 г. британский истеблишмент перед публикацией выжидал, чем закончатся президентские выборы в США и вел переговоры о торговом соглашении с ЕС после Брексита, то в 2023 г. поводом для обновления Стратегии стало начало СВО (Ананьева, 2023: 62) или, как обозначено в самом документе, *«неожиданно высокий темп геополитических изменений»*²⁸.

Британия прямо заявляет претензию на активное формирование глобального стратегического окружения – как в сотрудничестве с партнерами, разделяющими ее взгляды, так и с теми, кто смотрит на мир иначе. Хотя *«процветание и безопасность Евроатлантического региона остаются ключевым приоритетом»*, они *«неразрывно связаны с интересами Великобритании на периферии европейского континента и с открытым и свободным Индо-Тихоокеанским регионом»* (Lanozka & Rogers, 2022: 1). «Новизна стратегии состоит в том, что, несмотря на активную вовлеченность Британии в поддержку киевского режима, Лондон намерен превратить свой "индо-тихоокеанский

²⁷ GOV.UK (2023) Integrated Review Refresh 2023. Responding to a more contested and volatile world. Available at: <https://tinyurl.com/yc66e893> (accessed 7 May 2025). P. 1.

²⁸ Ibid, p. 2.

поворот" (*pivot*) в "Индо-тихоокеанскую позицию" (*posture*), поскольку она обязуется бороться с "величайшей и долгосрочной угрозой" мировой экономике и Западу: Китаем» (Ананьева, 2023: 62).

Украина представлена краеугольным камнем безопасности Британии, для которого вопросы «восстановления суверенитета и территориальной целостности Украины» связаны не только с продвигаемыми ценностями: «Мы действуем, потому что безопасность Украины – это полностью наша безопасность. Российское вторжение и оккупация Грузии, вторжение и оккупация Крыма угрожают собственной территории Соединенного Королевства»²⁹. Благодаря Брекзиту Британия восстановила присущее ей самоощущение «островной империи», отдаленной и отделенной от континента, которое подавлялось на протяжении нескольких десятилетий (Комлева, 2021: 79). Вместе с тем психология всегда побуждала и продолжает побуждать британскую элиту воспринимать все происходящее за морем как непосредственную угрозу берегам своего острова, что раскрыто в работах геополитической тематики следующих авторов: британца Х. Маккиндера (Маккиндер, 2024: 164–165), американца Н. Спикмэна (Спикмэн, 2022: 69–70), а также русского – А. Едрихина (Вандам, 2022: 247–248).

Стратегия национальной безопасности Великобритании 2010 г. не содержит упоминаний ни Черного моря, ни Украины, ни Грузии (даже после 2008 г.). В Стратегии национальной безопасности 2015 г. слово «Украина» встречается, что вполне оправдано после событий 2014 г. В «Глобальной Британии» и в ее обновленной версии 2023 г. Черное море упомянуто единожды как составная часть выражения «Черноморская зерновая инициатива», а вот в связанном документе – Докладе оборонного командования 2021 г. (*Defence Command Paper*) – это название встречается уже пять раз. В самой *IR2023* Черноморский регион прямо не упомянут ни разу, а Крым упомянут единожды. В обновленном документе 2023 г. подчеркивается, что теперь коллективная безопасность связана с исходом украинского конфликта³⁰ и согласованностью действий с союзниками и партнерами Британии при сохранении ее лидирующей позиции в НАТО, чье политическое и военное влияние продолжает возрастать, в том числе и для «европейской семьи народов»³¹.

Особое место в Стратегии 2023 г. уделяется морской политике. Подчеркивается, что Британия будет действовать, исходя из своей «долгой истории морской державы»: она будет продолжать «способствовать свободе судоходства и укреплению центральной роли Конвенции ООН по морскому праву, в том числе путем предоставления Королевского военно-морского флота

²⁹ GOV.UK (2023) Integrated Review Refresh 2023. Responding to a more contested and volatile world. Available at: <https://tinyurl.com/yc66e893> (accessed 7 May 2025). P. 2.

³⁰ Ibid, P. 7–8.

³¹ Ibid, P. 9.

в распоряжение НАТО» (что она делала и раньше), «развертывания большего количества военно-морских сил по всему миру для защиты морских путей и стратегических узких мест»; и работы «в рамках соглашений по обороне в Индо-Тихоокеанском регионе»³².

Держава, контролирующая Черное море, имеет возможность оказывать непосредственное влияние на морские пути из Европы в ИТР – и *IR2023* направлена именно на реализацию этого принципа. На документальном уровне фиксируется, что ЧР больше не воспринимается истеблишментом Соединенного Королевства как периферия Евро-Атлантики, а признается ключом к реализации индо-тихоокеанской политики. Сама география ЧР – неизменное напоминание правящим элитам Британии о том, что владеющий Черным морем ставит под постоянную угрозу ее военные силы, размещенные в Средиземноморье, и может нарушить глобальные линии коммуникации с ее доминионами и другими имперскими территориями в рамках Содружества Британских наций.

Соединенные Штаты в Черном море: альянс США, Британии и Украины

В 2024 г. Акт по Черноморской безопасности США так и не был введен в действие администрацией Дж. Байдена, но по-прежнему обозначается западными экспертами как актуальный и ключевой для формирования Черноморской стратегии США и НАТО. Оставим этот тезис за скобками, но, по всей видимости, такое положение дел является следствием устойчивости политической и экономической систем России в конфликте с Западом, а также ее уверенных военных действий на полях СВО.

В то же время отметим, что «невостребованность» концепции – лишь видимость. Так, в марте 2024 г. она оказалась в центре обсуждения на Черноморском форуме в Румынии, организованном ведущими фабриками мысли, давно разрабатывающими повестку Большого Черноморского региона. На доктринальном уровне она нашла свое отражение в Стратегии морской безопасности Украины, подписанной В. Зеленским 17 июля 2024 г., что открыло для США и НАТО «окно возможностей» для многих действий, поскольку сама Украина узаконила их.

Июльская Стратегия морской безопасности Украины является документом среднесрочного планирования, обеспечивать выполнение которого предполагается за счет госбюджета Украины и иностранных инвестиций. В документе обозначена сфера национальных интересов Украины как морской державы: Черное и Азовское моря, Керченский пролив, реки, а также морское пространство Евроатлантического региона. Неоднократно подчеркивается, что правовой режим Черного и Азовского морей, Керченского

³² GOV.UK (2023) Integrated Review Refresh 2023. Responding to a more contested and volatile world. Available at: <https://tinyurl.com/yc66e893> (accessed 7 May 2025). P. 29.

пролива регулируется международным морским правом, а именно Конвенцией ООН по морскому праву и другими международными договорами и документами; упоминаются запасы полезных ископаемых на шельфе.

В парадигме англосаксонской геополитической традиции Украина идентифицирует действия России в ЧР как угрозу Средиземноморью, а в качестве приоритета своей морской стратегии заявляет превращение Черного и Азовского морей «в мирные моря», открытые и безопасные для международной торговли и свободного судоходства в противовес попыткам РФ вместилище их в границы «русского озера».

На дискурсивном уровне в Стратегии транслируются смыслы, которые неоднократно «обкатывались» западными и украинскими СМИ и политиками в публичном пространстве, хотя и были восприняты как маргинальные. Тем не менее в качестве цели Украины в деле обеспечения морской безопасности заявляется *«обновление и поддержка международного мира³³ и безопасности в Азовском, Черном, Средиземном и Балтийском морях и в Керченском проливе»*. И если сначала задачи носят декларативный характер, то в средней части документа, которая завязана на непосредственное иностранное участие и главенство внешних акторов в ЧР, эволюционируют до конкретных шагов – военных, экономических, правовых и имиджевых.

По сути, Стратегия морской безопасности Украины предполагает полное вытеснение России из ЧР, ввод на территорию Крымского полуострова иностранного контингента и превращение Черного моря в международное водное пространство, где будет обеспечено постоянное присутствие НАТО и любых других государств-партнеров, в том числе и разведывательное, за счет предоставления Украиной полных данных по надводной и подводной обстановке. При этом Конвенция Монтрё не упоминается, а тезис о создании противоминной коалиции можно воспринимать как прямой путь к ее нарушению, если Турцию все же вынудят впустить в Черное море минные тральщики, которые Британия передала Украине, но пока не может провести через Босфор и Дарданеллы из-за ограничений Конвенции.

Заявляемый результат воплощения Стратегии – усиление морской безопасности не только Украины, но и всего Черноморско-Средиземноморского региона – подразумевает построение безопасности без России (Ирхин & Москаленко, 2021).

В январе 2025 г. Британия сделала первый шаг по оформлению намерений по фактическому «захвату» Черного моря с одобрения Украины: между двумя государствами было подписано Соглашение о 100-летнем партнерстве. Хотя многие эксперты в России отнеслись к этому документу с долей иронии, он все же заслуживает анализа. Третий столп Соглашения (всего их девять), посвященный именно морской сфере, весьма конкретен:

³³ Курсив наш. Вспомним, что предложение передать Крым под международное управление прозвучало от Р. Сикорского осенью 2024 г.

- построение партнерства в морской сфере с максимально быстрым возвращением под контроль Украины всех *«временно оккупированных территорий»* и усиление ее как морской державы путем воплощения Стратегии морской безопасности Украины;
- создание совместной британско-украинской флотилии в Черном море для обеспечения безопасности в водах стратегического значения для обоих государств;
- за счет усилий Коалиции возможностей морской безопасности фактическая передача Украине минных тральщиков;
- достижение совместимости Военно-морских сил Украины с Королевским флотом и флотом НАТО, в т.ч. за счет создания на Украине ВМБ, проведения совместных учений и подготовки персонала³⁴.

Прочие положения Соглашения предполагают поставки вооружений Украине, предоставление ей финансовой помощи на военные цели, значительный блок гуманитарного воздействия (*«в области образования, деятельности экспертно-аналитических центров, защиты от влияния российских элит»*), организацию экспорта продовольственных ресурсов из Украины и противодействие зарубежному информационному манипулированию и вмешательству³⁵ (под которым в документе понимается российское) – естественно, за счет его замещения британскими стратегическими коммуникациями.

Заключение

Анализ доктринальных, стратегических документов, а также связанных с ними аналитических материалов, находящихся в открытом доступе, показывает, что за три года с начала СВО России на Украине произошло возрождение риторики Большого Черноморского региона, заложенного на концептуальном уровне еще в начале 2000-х гг. и активно реализуемого на доктринальном уровне и на уровне реальной политики.

Проанализированные доктринальные документы – «Стратегический компас» ЕС, Концепция безопасности НАТО, обновленная «Глобальная Британия», Стратегия морской безопасности Украины, Черноморская стратегия США в 2022–2024 гг. – стали отражением развития концепции Большого Черноморского региона и Евroatлантического Причерноморья, сформулированной Фондом Маршалла³⁶ в 2004 г. и Фондом «Наследия»³⁷ в 2006 г. Согласно этой концепции, позиции России в Черноморском регионе должны быть минимизированы и замещены.

³⁴ GOV.UK (2025) UK-Ukraine 100 Year Partnership Declaration. Available at: <https://tinyurl.com/5n8nnt6v> (accessed 7 May 2025).

³⁵ Ibid.

³⁶ Организация внесена Минюстом Российской Федерации в перечень иностранных и неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

³⁷ Организация внесена Минюстом Российской Федерации в перечень иностранных и неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Данная преемственность в целом характерна для западной политической культуры, однако она также свидетельствует о том, что «битва» за Черное море еще впереди. Бросающиеся в глаза притязания Британии на роль «первой скрипки» в споре великих держав объясняются традиционным стремлением Королевства присутствовать в Черном и Каспийском морях, выстраивая свою оборону и оттесняя при этом Россию от береговых линий. В историческом опыте Лондона имеется и вариант, при котором Россия на время «выключалась» из Черноморско-Средиземноморской игры: после Крымской войны.

Временным и, по всей видимости, функционально ограниченным ответом России на экспансию объединенного Запада является по сути состоявшийся ситуативный альянс с Турцией. В качестве примеров взаимопонимания можно привести ряд фактов, не являющихся предметом широкого медийного и экспертного освещения: в начале 2000-х гг. «Черноморская гармония» – противовес американской операции «Активные усилия» в Средиземном море – послужила механизмом недопущения военно-морских сил США в Черное море; в марте 2014 г. при воссоединении Крымского полуострова с Россией Турция заняла сдержанную позицию; с началом СВО дипломатическая позиция Анкары была схожа с позицией во время пятидневной войны: в августе 2008 г. Турецкая Республика перекрыла Черноморские проливы для американских военных кораблей, а 27 февраля 2022 г., сославшись на Статью 19 Конвенции Монтрё, закрыла Босфор и Дарданеллы для военных судов всех государств (Москаленко et al., 2024: 648); в 2022–2025 гг. Турция оказывала содействие России в обходе западных санкций, а после разрушения Северных потоков – сохраняла и наращивала транзит российского газа (Аватков, 2024).

Вместе с тем Турция излишне агрессивно выстраивает свою подсистему международных отношений и экономический макрорегион, пользуясь занятостью России в СВО, что впоследствии может спровоцировать двусторонний прямой конфликт и побудить Турцию присоединиться к общей западной стратегии. Это станет возможно, если Анкара в реализации своей многовекторной и балансирующей политики получит гарантии, что с вытеснением России из Черного моря она не окажется перед вторым изданием Севрского мира, а скорее, сможет рассчитывать на свою долю «русского пирога» на северо-востоке от турецких границ.

Гипотетическое вытеснение Черноморского флота из его главной базы – Севастополя, конечно, будет нести символический характер не только для самой России, но и для Британии, в исторической памяти которой сюжет Крымской войны 1853–1856 гг. остается одним из самых героизированных. С точки зрения геостратегической логики, доминирование России в Северном Причерноморье за счет обладания Крымом обеспечивает для нее коммуникацию с Каспийским регионом, Северной Африкой и всем Средиземноморьем, а также открывает путь в мировой океан (Семенов-Тянь-Шанский, 2014). Поэтому восстановление береговой линии Новороссии в ближайшее время является крайне важной геополитической задачей для России, возвращающей международный и внутренний суверенитет.

При этом западные элиты обеспокоены возрастающими в Большом ЧР интересами Китая, который вкладывается в критическую инфраструктуру, транспортные маршруты и активно поддерживает антизападные нарративы на Ближнем Востоке, в Африке и в Латинской Америке (Gaber, 2024). Таким образом, одна из основных задач Запада на уровне идейного воздействия состоит в том, чтобы «привязать» к себе страны региона. В этом отношении наиболее заметны сейчас результаты по воздействию на Молдову, выход которой к Черному морю крайне ограничен и реализуется за счет дунайского порта Джурджулешты (133,8 км до берега Черного моря), и на Армению, минимальное расстояние от границы которой до Черного моря – 163 км. Причем ранее основные усилия были сосредоточены на Грузии. Отметим, что в этом механизме со стороны Запада присутствует проектное геополитическое мышление, особенно в отношении Армении Николы Пашиняна: у местных элит восточной части Большого Черноморского региона формируется мировоззрение (как будто России уже нет в Черном море), которое скорее присуще западному Причерноморью или даже атлантическому побережью, что реализуется за счет комплекса политико-экономических и военных мер, которые обозначены в доктринальных и стратегических документах.

Результатом продолжающегося комплекса воздействия на Черноморский регион со стороны Запада должно стать вытеснение России из региона с одновременным снижением влияния Турции за счет «размывания» и обхода Конвенции Монтрё, постоянное присутствие военных сил НАТО в Черном море (дополнительно к силам региональных Турции, Румынии и Болгарии), в том числе за счет альтернативных Черноморским проливам маршрутов.

Черноморский регион становится пространством столкновения пяти геополитических проекций: Новороссии, Большого Черноморского региона (*Wider/Broader Black Sea Region*), Пояса и пути (*一帶一路*), Триморья (*Three Seas Initiative*) и Турецкого мира (*Türk dünyası*). Определённое давление на регион оказывает и Иран в пределах его Каспийско-Черноморской проекции и в рамках политики, которую можно условного обозначить как «Персидский мир».

Список литературы:

1. Аватков В. (2024) Турецкая Республика в 2023 году. *Свободная мысль* (1): 133–142.
2. Ананьева Е. (2023) Сунак обновляет Стратегию национальной безопасности. *Международная Жизнь*. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/39433> (дата обращения: 05.02.2025).
3. Вандам А. (2022) Величайшее из искусств. В: Фурсов А. *Русские о главном противнике*. М.: Наше завтра. С. 236–268.
4. Ирхин А.А. (ред.) (2024) *Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе*. М: Аспект Пресс.
5. Ирхин А.А, Москаленко О.А. (2021) Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения* 21(3): 498–516. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516.

6. Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. (2024) «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения* 24(1): 7–22. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22.
7. Комлева Н.А. (2021) Специфика геополитической экспансии островных империй. *Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика* (3): 79–96.
8. Маккиндер Х. (2024) *Географическая ось истории*. М.: Издательство АСТ.
9. Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А. et al. (2024) Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения* 23(4): 643–661. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661.
10. Семенов-Тянь-Шанский В.П. (2014) Новороссия. Крым. В: Макаров А.Г., Макарова С.Э. (сост.) *Малороссия. Новороссия. Крым: полная история южного русского края*. М.: Алгоритм, 2014.
11. Спикмэн Н. (2022) География и внешняя политика. В: Спикмэн Н., Шмитт К. *«Новая Атлантида». Геополитика Запада на суше и на море*. М.: Родина. С. 6–75.
12. Demeshko N.E., Irkhin A.A., Moskalenko O.A. (2024) The Black Sea Region as a New Geopolitical Reality in the Materials of Western and Turkish Analytical Centers (2014–2023). *Herald of the Russian Academy of Sciences* 94(6): 290–301. DOI: 10.1134/S1019331625600167.
13. Gaber Ye. (2024) A New Security Reality: Strategic Approaches for the Wider Black Sea Region. The Clock Tower Series. *George C. Marshall ECSS*. Available at: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/clock-tower-series/new-security-reality-strategic-approaches-wider-black-sea-region/new-security-reality-strategic-approaches-wider> (accessed 5 February 2025).
14. Lancaster M. (2023) Troubled Waters – How Russia’s War in Ukraine Changes Black Sea Security. Preliminary Draft Report 020 DSCFC 23 E, 7 October. *NATO PA*. Available at: <https://tinyurl.com/4d4esh6v> (accessed 7 May 2025).
15. Lanoszka A., Rogers J. (2022) ‘Global Britain’ and the Black Sea region. *Council on Geostrategy. Policy Paper*. March. Available at: <https://www.geostrategy.org.uk/app/uploads/2022/05/SBIPP07-29032022-2.pdf> (accessed 5 February 2025).
16. Tsantoulis I. (2016) *Towards a Genealogy of Regions in International Relations: an Autopsy of the Black Sea (Region)*. Doctoral Thesis. London: University College.

Comparative Politics. Volume 16. No. 3. July–September / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-3-16-2

THE CRIMEAN PENINSULA, BLACK SEA AND BLACK SEA REGION IN THE WESTERN MILITARY AND POLITICAL AGENDA: DOCTRINAL LEVEL

Dr. Olga Aleksandrovna MOSKALENKO – Assistant Professor, Institute of Social Sciences and Foreign Relations, Sevastopol State University.

ORCID: 0000-0002-4162-3162. E-mail: kerulen@bk.ru
33 Universitetskaya Street, Sevastopol, Russia, 299053.

Dr. Aleksandr Anatolievich IRKHIN – Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University; Leading Researcher, Sevastopol State University;
ORCID: 0000-0001-7895-550X. E-mail: alex.irhin@mail.ru
33 Universitetskaya Street, Sevastopol, Russia, 299053; 4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol, Republic of Crimea, Russia, 295007.

Dr. Sergei Vasilievich IURCHENKO – First Vice-Rector – Vice-Rector for International Activities, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.
ORCID: 0009-0008-2835-4413. E-mail: cbur@mail.ru
4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol, Republic of Crimea, Russia, 295007.

Natalia Eduardovna DEMESHKO – Assistant Professor, Institute of Social Sciences and Foreign Relations, Sevastopol State University.
ORCID: 0000-0002-9620-2410. E-mail: natalidem93@mail.ru
33 Universitetskaya Street, Sevastopol, Russia, 299053.

Received February 10, 2025 Accepted May 21, 2025

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 25-28-01354) <https://rscf.ru/en/project/25-28-01354/>.

Abstract: In the article the research team proceeds with study of broad security issues of the Black Sea region (BSR) in its various geopolitical configurations (the BSR as including seven riparian states; the Wider BSR as including seven riparian states, Armenia and Azerbaijan; the Baltic-Black Sea region; the Black Sea-Caspian region; and the BSR as the “nerve” of the Greater Mediterranean) through the lens of Russia’s national interests. The paper examines the policies adopted by the USA, the EU, Great Britain, NATO and Ukraine toward the BSR after 2014 at the conceptual and doctrinal levels. The article analyzes the doctrinal papers of the actors revealing their Black Sea strategies, goals and objectives. The study of the doctrinal and, to some extent, conceptual issues of the policies implemented in the BSR allows for determining the degree of compatibility, conflict and possible compromise between various regional and global actors competing for positions in the region in its various geopolitical configurations. The research draws on political realism, combined with constructivism as well as systems and geopolitical approaches. Contextual and discursive analysis of documents as well as qualitative content-analysis are basic applied methods. The analysed doctrinal papers of the collective West (NATO 2022 Strategic Concept, A Strategic Compass for Security and Defence, Integrated Review Refresh 2023, Ukraine Maritime Security Strategy, US Black Sea Strategy 2022–2024) reflect the evolution of the Wider BSR concept of 2004–2006. The concept leaves no room for any military, political or other Russian presence in the Black Sea basin. The UK’s aspiration to play the leading role reflects its traditional desire to be present in the Black and Caspian Seas and to build its line of defence, while pushing Russia back to Eurasia. The authors view this as Britain’s desire to implement its traditional geostrategic approaches, which were developed by H. Mackinder: to control the Heartland through Central Asia (1904) and Eastern Europe via the Baltic-Black Sea bridge (1919). Now we see a combination and synthesis of Mackinder’s two approaches: the West is seeking to create a Baltic-Black Sea-Caspian sanitary belt to “contain” Russia, with two maritime entrances into the region: the Baltic and the Black Sea. However, Britain’s historical experience also includes a period when Russia was temporarily excluded from the Black Sea-Mediterranean game in the wake of the Crimean War. From the Western perspective, its influence on the Black Sea region should result into Russia’s expulsion from the region, with a simultaneous reduction of Turkey’s influence. This could be achieved by eroding and circumventing the Montreux Convention, as well as by establishing the permanent presence of NATO military forces in the Black Sea in addition to the regional forces of Turkey, Romania and Bulgaria, including through alternative routes to the Black Sea Straits.

Keywords: Crimea, Black Sea region, Black Sea Strategy, Special military operation, USA, EU, Great Britain, Montreux Convention

References:

1. Ananieva E. (2023). Sunak obnovliaet Strategiiu natsional'noi bezopasnosti [Sunak's Refresh of the National Security Strategy]. *Mezhdunarodnaia Zhizn' [International Affairs]*. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/39433> (accessed 5 February 2025). (In Russian).
2. Avatkov V. (2024) Turetskaia Respublika v 2023 godu [Republic of Turkey in 2023]. *Svobodnaya Mysl [Free Thought]*(1): 133–142. (In Russian).
3. Demeshko N.E., Irkhin A.A., Moskalenko O.A. (2024) The Black Sea Region as a New Geopolitical Reality in the Materials of Western and Turkish Analytical Centers (2014–2023). *Herald of the Russian Academy of Sciences* 94(6): 290–301. DOI: 10.1134/S1019331625600167.
4. Gaber Ye. (2024) A New Security Reality: Strategic Approaches for the Wider Black Sea Region. The Clock Tower Series. *George C. Marshall ECSS*. Available at: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/clock-tower-series/new-security-reality-strategic-approaches-wider-black-sea-region/new-security-reality-strategic-approaches-wider> (accessed 5 February 2025).
5. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. (2021) Chernomorskii region v konkurentsii geopoliticheskikh proektov velikikh derzhav v 1991–2019 gg. [The Black Sea Region in the Contest of Geopolitical Projects of the Great Powers, 1991–2019]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia [Vestnik RUDN. International Relations]* 21(3): 498–516. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516. (In Russian).
6. Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Demeshko N.E. (2024) «Turetskii balans», ili Vneshnepoliticheskaia strategiiia Turtsii v Chernomorskom regione na fone spetsial'noi voennoi operatsii [Turkish Balance, or Türkiye's Foreign Policy Strategy in the Black Sea Region Following the Special Military Operation]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia [Vestnik RUDN. International Relations]* 24(1): 7–22. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22. (In Russian).
7. Irkhin A. (ed.) (2024) *Kliuchi ot Evrazii. Rossiia i Turtsiia v Chernomorskom regione [Keys to Eurasia. Russia and Turkey in the Black Sea Region]*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).
8. Komleva N.A. (2021) Spetsifika geopoliticheskoi ekspansii ostrovykh imperii [Specifics of the Island Empires Geopolitical Expansion]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. «Globalistika i geopolitika» [Bulletin of Moscow University. Series 27. Global Studies and Geopolitics]*(3): 79–96. (In Russian).
9. Lancaster M. (2023) Troubled Waters – How Russia's War in Ukraine Changes Black Sea Security. Preliminary Draft Report 020 DSCFC 23 E, 7 October. *NATO PA*. Available at: <https://tinyurl.com/4d4esh6v> (accessed 7 May 2025).
10. Lanoszka A., Rogers J. (2022) 'Global Britain' and the Black Sea region. *Council on Geostrategy. Policy Paper*. March. Available at: <https://www.geostrategy.org.uk/app/uploads/2022/05/SBIPP07-29032022-2.pdf> (accessed 5 February 2025).
11. Mackinder H. (2024) *Geograficheskaiia os' istorii [The Geographical Pivot of History]*. Moscow: AST Publishing House. (In Russian).
12. Moskalenko O. A., Muradov G.L., Irkhin A.A. et al. (2023) Konventsiiia Montre posle nachala SVO. Status-kvo ili denonsatsiia: diskurs mezhdunarodnykh aktorov i vozmozhnye geopoliticheskie posledstviia dlia Chernomorskogo regiona [The Montreux Convention After the Beginning of the Special Military Operation. Status Quo or Denunciation: Discourse of International Actors and Possible Geopolitical Implications for the Black Sea Region]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. «Globalistika i geopolitika» [Vestnik RUDN. International Relations]* 23(4): 643–661. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661. (In Russian).

13. Semenov-Tyan-Shansky V.P. (2014) Novorossiia. Krym [Novorossiia. Crimea]. In: Makarov A.G., Makarova S.E. (comp.) *Malorossiia. Novorossiia. Krym: polnaia istoriia iuzhnogo russkogo kraia* [*Malorossiia. Novorossiia. Crimea: a Complete History of the Southern Russian Region*]. Moscow: Algorithm, 2014. (In Russian).
14. Speakman N. (2022) Geografii i vneshniaia politika [Geography and Foreign Policy]. In: Speakman N., Schmitt K. «Novaia Atlantida». *Geopolitika Zapada na sushe i na more* [*"The New Atlantis." Geopolitics of the West on Land and at Sea*]. Moscow: Rodina, pp. 6–75. (In Russian).
15. Tsantoulis I. (2016) *Towards a Genealogy of Regions in International Relations: an Autopsy of the Black Sea (Region)*. Doctoral Thesis. London: University College.
16. Vandam A. (2022) Velichaishee iz iskusstv [The Greatest of Arts]. In: Fursov A. *Russkie o glavnom protivnike* [*Russians about the Main Enemy*]. Moscow: Nashe Zavra. P. 236–268. (In Russian).